

Научная статья
УДК 343
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-192-198>

Дискредитация органов внутренних дел: уголовно-правовой и терминологический аспекты

Дубова Мария Евгеньевна

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, shaleeva0005@rambler.ru

Аннотация. В рамках статьи автор предпринял попытку выделить основные подходы к определению и интерпретации сути понятия «дискредитация органов внутренних дел». Рассмотрена этимология слова «дискредитация», а также способы противодействия этой стратегии. Изучены основные правовые источники и акты судебного толкования, прямо и косвенно затрагивающие вопросы защиты сотрудников органов внутренних дел от дискредитации органов внутренних дел. На основе сравнительного исследования различных точек зрения авторов, разрабатывающих смежные тематики, выделены ключевые признаки дискредитации органов внутренних дел на современном этапе. Внесены авторские суждения относительно видов и форм дискредитации органов внутренних дел, особое внимание при этом уделено криминальной самодискредитации. Предложены новые признаки рассматриваемого явления, а также охарактеризованы оптимальные пути противодействия дискредитации органов внутренних дел. На основе изученных данных, их систематизации и оценки выделены основные подходы к определению понятия «дискредитация ОВД».

Ключевые слова: дискредитация, органы внутренних дел, сотрудник полиции, подрыв авторитета, имидж, подходы к определению, формы дискредитации

Для цитирования: Дубова М. Е. Дискредитация органов внутренних дел: уголовно-правовой и терминологический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 192—198. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-192-198>.

Original article

Discrediting the internal affairs bodies: criminal law and terminology aspects

Maria E. Dubova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, shaleeva0005@rambler.ru

Abstract. Within the framework of this study, the author has attempted to identify the main approaches to the definition and interpretation of the essence of the concept of “discrediting the internal affairs bodies”. The etymology of the word “discredit” is considered, as well as ways to counteract this strategy. The main legal sources and acts of judicial interpretation, directly and indirectly affecting the issues of protection of internal affairs bodies employees from discrediting the internal affairs bodies, have been studied. Based on a comparative study of various points of view of authors developing related topics, the key signs of discrediting the internal affairs bodies at the present stage are highlighted. The author’s judgments regarding the types and forms of discrediting of the internal affairs bodies are made, special attention is paid to criminal self-discrediting. New signs of the phenomenon under consideration are proposed, and optimal ways to counteract the discrediting of internal affairs bodies are characterized. Based on the studied data, their systematization and evaluation, the main approaches to the definition of the concept of “discrediting the ATS” are highlighted.

Keywords: discrediting, internal affairs bodies, police officer, undermining authority, image, approaches to definition, forms of discrediting

For citation: Dubova M. E. Discrediting the internal affairs bodies: criminal law and terminology aspects. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2 (58), pp. 192—198. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2022-2-192-198>.

© Дубова М. Е., 2022

Современные российские реалии свидетельствуют о том, что сегодня наша страна переживает довольно сложный период: внешнеполитические события, безусловно, затронули все сферы жизни граждан. Угрозы национальной безопасности России обуславливают необходимость подтверждения статуса сильной мировой державы на международной арене, укрепления и развития экономической и политической независимости, повышения уровня жизни и социальных гарантий граждан.

Проведение специальной военной операции на территории Украины спровоцировало развертывание ожесточенной информационной войны, цель которой — исказить достоверные данные о целях, задачах Вооруженных Сил Российской Федерации (далее — ВС РФ) и государственных органов, действующих за рубежом, представить Россию перед иностранными государствами в качестве агрессора. Закономерной реакцией законодателя стала криминализация деяний, связанных с распространением «фейков» о действиях, целях и задачах государственных органов и ВС РФ за рубежом, что нашло отражение во введении в Уголовный кодекс РФ (далее — УК РФ) статей 207³ и 280³. Несмотря на использование термина «дискредитация» новыми нормами, их диспозиции не дают определение его понятия, не раскрывают его содержание. Возникает проблема, связанная с неоднозначным толкованием рассматриваемой категории, и соответственно вопрос — от каких критериев должен отталкиваться правоприменитель при квалификации деяния как «публичных действий, направленных на дискредитацию...»? Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым рассмотреть подходы к определению понятия «дискредитация», установить основные сферы ее применения, выделить существенные признаки, присущие ей как некому социально-правовому явлению.

Обратимся к этимологии понятия «дискредитация» с целью детерминации сфер ее применения. По мнению ряда исследователей, данный термин был заимствован из французского языка: дословный перевод в большинстве словарей звучит как «подрывать доверие, порочить, очернить» [1]. В современных толковых словарях это понятие трактуется как «подрывать (подрывать) доверие к кому-чему-нибудь, умалять чей-нибудь авторитет» [2, с. 944].

Исследуя процессы становления и развития дискредитации как некой стратегии борьбы, М. А. Сивораक्षा установила, что первоначально эта технология стала активно использоваться

американскими политиками в периоды предвыборных кампаний. Ее сущность состояла в применении различных форм конфликтного общения, стремления к выставлению оппонента в невыгодном свете перед электоратом [3].

Изучая литературу, посвященную специфике и типичным проявлениям дискредитации органов внутренних дел (далее — ОВД), мы установили множество факторов, обуславливающих наличие ряда проблем, связанных с толкованием сути и применением термина «дискредитация». Среди наиболее важных из них выделим проблемы в правовом регулировании, множество сфер, в которых используется эта стратегия, многообразие форм и видов дискредитации, необходимость в обособлении преступной дискредитации от иных видов.

В первую очередь отметим отсутствие нормативного определения понятия «дискредитация», применяемого по отношению к органам публичной власти, ее представителям, в том числе к ОВД. Примечательно, что в подобной трактовке этот термин ранее присутствовал в отечественном уголовном законодательстве. Так, в статье 109 Уголовного кодекса РСФСР предусматривалась ответственность за «дискредитирование власти, то есть совершение должностным лицом действий, хотя бы и не связанных с его служебными обязанностями, но явно подрывающих в глазах трудящихся достоинство и авторитет тех органов власти, представителем коих данное должностное лицо является» [4].

В действующем отечественном федеральном законодательстве данный термин предусматривается сразу несколькими правовыми актами. Во-первых, Федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135 «О защите конкуренции» определяет дискредитацию как одну из форм недобросовестной конкуренции, состоящей в «...распространении ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту и (или) нанести ущерб его деловой репутации...» [5]. Во-вторых, действующий российский уголовный закон с поправками от марта 2022 года предусмотрел статью 280³ УК РФ, в которой «дискредитация использования Вооруженных Сил и государственных органов Российской Федерации» является целью неких публичных действий. Аналогичные формулировки были закреплены в новой редакции Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), статья 20^{3.3} которого установила ответственность за совершение публичных действий, направленных на

дискредитацию Вооруженных Сил и госорганов России, при отсутствии признаков преступления (административная преюдиция).

Как мы можем заметить, «дискредитация» в гражданско-правовой сфере законодательно подробно определена. Однако нововведения в УК РФ и КоАП РФ не предусмотрели никаких разъяснений по поводу объема содержания, признаков и самого понятия «дискредитация» в той формулировке, в которой оно использовано. Единственное, что логично следует из диспозиций норм, — это элемент субъективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 280³ УК РФ, характеризующий цель неких публичных действий. Полагаем, что весьма затруднительно будет понять, от чего отталкиваются правоприменители, квалифицируя то или иное деяние как «направленное на дискредитацию», если законодатель не определил ни понятия, ни признаков такой дискредитации. Можем предположить, что в итоге это приведет к значительным проблемам в судебно-следственной практике, возникающим при разграничении дискредитации уголовно наказуемой, предусмотренной КоАП РФ и действиями, не подпадающими под признаки правонарушений.

Для определения основных подходов к определению термина «дискредитация ОВД» мы изучили основные позиции исследователей, разрабатывающих смежные вопросы.

С. М. Воробьев определяет дискредитацию как «сложный, многоуровневый и длительный процесс по формированию отрицательного мнения у населения, а возможно, и мирового сообщества о государстве в целом или его отдельных институтов в целях снижения уровня авторитета публичной власти и ее институтов, дестабилизации системы управления государством и в его структурах, воздействие на массовое сознание населения для создания негативного отношения к работе госорганов» [6].

Рассуждая над содержанием дискредитации ОВД, А. М. Шамаев трактует ее как некие «умышленные действия, направленные на подрыв авторитета, имиджа сотрудников ОВД, доверия к ним, отрицательно влияющие на общественное мнение о деятельности органов внутренних дел» [7].

Н. Н. Дьяченко и Э. А. Васильев делают важный вывод о том, что она может быть рассмотрена как опаснейшая форма противодействия законной правоохранительной деятельности ОВД, реализуемая путем распространения порочащей сотрудников ОВД информации. В результате посягательств на честь и достоинство

правоохранителей заинтересованные субъекты могут добиться отстранения или увольнения тех или иных должностных лиц, отвлекают их от осуществления служебных полномочий по борьбе с преступностью [8].

Сразу несколько авторов рассматривают дискредитацию ОВД как некое *негативное социально-правовое явление*. Так, Н. Н. Дьяченко указывает, что с этой точки зрения дискредитация представляет собой «распространение заведомо ложных порочащих сведений, а также совершение иных действий, умаляющих авторитет органов правопорядка и их сотрудников, в связи с осуществлением ими своей законной деятельности или из мести за такую деятельность» [9]. С той же позиции изучает дискредитацию Т. И. Егорова, понимая под ней «распространение заведомо ложных порочащих сведений, а также совершение иных действий, умаляющих авторитет органов правопорядка, нацеленных, в конечном итоге, на отстранение сотрудника от осуществляемой им деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений» [10].

О. С. Мантуров описывает это негативное социально-правовое явление как «сознательное целенаправленное осуществление лицом любых действий, направленных на подрыв чести, достоинства и деловой репутации иного лица (группы лиц) в глазах граждан, в том числе неопределенного круга лиц» [11].

Общей чертой всех авторских определений термина «дискредитация ОВД» является выделение признаков заведомости, целенаправленности, сознательности, умышленного характера совершаемых действий. Однако, по нашему мнению, эти признаки значительно сужают содержание рассматриваемой категории. Можем полагать, что, приписывая всем видам дискредитации эти характеристики, исследователи не учитывают вероятность того, что адресант и адресат компрометации могут совпадать.

Следует напомнить, что субъектный состав совершения действий, направленных на дискредитацию ОВД, довольно широк. Э. А. Васильев и Н. Н. Дьяченко в числе подобных субъектов перечисляют *действующих и бывших сотрудников ОВД*, несогласных с проводимой в ведомстве политикой, с отдельными решениями руководства, дискредитирующих ОВД в целях оказания влияния на принимаемые решения, из личной неприязни к своим сослуживцам и руководителям, из мести за уже принятые решения [8].

Считаем, что не следует игнорировать факт возможности *самодискредитации* сотрудниками ОВД, а также делать акцент на том, что распространяемые порочащие сведения обязательно должны быть ложными, не соответствующими действительности. Изучая этот аспект, С. Ю. Чимаров и А. А. Алексеев в своем исследовании приводят несколько примеров того, как сотрудники ОВД сами себя дискредитировали в сети «Интернет» путем опубликования видеосюжетов с собственным участием в социальных сетях, признанные в дальнейшем судом как содержащие действия, порочащие честь и достоинство сотрудника ОВД, за что были уволены со службы [12]. Проступок, опорочивший честь и достоинство сотрудника ОВД, наносит ущерб имиджу всего ведомства [13, с. 359].

В материалах судебной практики по делам о должностных преступлениях сотрудников полиции суды при оценке наступивших последствий, как правило, используют формулировки «подрыв авторитета ОВД», «дискредитация ОВД». Дискредитация отдельных сотрудников дестабилизирует нормальное функционирование всей системы ОВД и государства в целом, негативно отражается на авторитете всех силовых структур. Изучив более двадцати приговоров по делам о преступлениях против интересов государственной службы, государственной и муниципальной власти, подсудимыми в которых являлись сотрудники ОВД, мы обнаружили, что одни суды при рассмотрении и оценке совершенного деяния указывают в качестве последствий дискредитацию и подрыв авторитета ОВД, другие — не указывают. Единообразия в судебной практике по этому поводу нет.

Дело в том, что в утратившем силу постановлении Пленума Верховного суда от 30 марта 1990 года № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» в качестве обязательного признака объективной стороны должностного злоупотребления, превышения служебных полномочий, халатности предусматривалось наступление существенного вреда государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан. При этом были раскрыты типичные проявления нематериального существенного вреда, в том числе «подрыв авторитета органов власти...». В действующем постановлении Пленума Верховного суда от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении

должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» такой формулировки не закреплено. В пункте 18 указано, что «при оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда». В этой связи можем предположить, что различия в правоприменительной практике обусловлены ориентиром некоторых судов на утративший силу акт судебного толкования, формулировки которого не противоречат действующему, хотя и не используют их.

Как правило, совершаемые полицейскими правонарушения становятся известными публике не от самих правонарушителей, а ввиду выявления подобных случаев компетентными подразделениями либо путем размещения в медиaprостранстве анонимных данных (нередко с видеofиксацией), свидетельствующих о допущенных полицейскими проступках. В этой связи можем провести аналогию с категорией «двойной формы вины» в уголовно-правовой доктрине: служебные правонарушения совершаются сотрудником умышленно, но по неосторожности наступают последствия в виде дискредитации ОВД, нанесения ущерба авторитету и имиджу полиции. Считаем, что в случае «самодискредитации» отсутствует признак «целенаправленности», «осознанности», «умышленности» дискредитирующего ОВД поведения, скорее, он относится к совершаемым действиям с «легкомыслием или небрежностью».

Важно подчеркнуть, что отнюдь не все сведения дискредитирующего характера являются недостоверными или неverifiedированными, поэтому не следует рассматривать дискредитацию ОВД исключительно как умышленное предоставление широкой публике непроверенной информации (что, по сути, означало бы дезинформацию общества), компрометирующей службу в полиции и умаляющей авторитет ОВД.

В этой связи важно отметить еще один важный, с нашей точки зрения, момент. Необходимо установить некие «рамки» допустимого публичного обсуждения деятельности полиции, «границы» освещения информации, представляющей ОВД в том числе «в невыгодном свете». С одной стороны, Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3 «О полиции» закрепил принцип «открытости и публичности» деятельности ОВД, подразумевающий право

граждан беспрепятственно получать достоверную информацию о ней, обязанностью полиции предоставлять ее, в том числе с использованием средств массовой информации (далее — СМИ), сети «Интернет». С другой стороны, существуют некоторые «пределы» допустимого распространения сведений, наносящих ущерб репутации органов власти, то есть фактически, подрывающих авторитет всего государства. Согласно статье 9 Федерального закона «О полиции» одним из основных критериев оценки деятельности полиции является общественное мнение. Приказ МВД России от 1 декабря 2016 года № 777 «Об организации постоянного мониторинга общественного мнения о деятельности полиции» закрепил Инструкцию, раскрывающую особенности мониторинга общественного мнения о работе полиции, который проводится с целью выявления факторов, влияющих на его формирование. Безусловно, фактором, негативно влияющим на мнение граждан о полиции, является безграничная свобода СМИ, медийных личностей, блогеров при освещении компрометирующей ОВД информации. В этой связи, по нашему мнению, следует подробно определить эти «рамки» и допустимые «пределы» публичного обсуждения полиции, которые должны будут отвечать требованиям: 1) недопустимости цензуры, позволившей бы полиции безнаказанно злоупотреблять отсутствием свободы слова; 2) отсутствия урона репутации и имиджу полиции, ее авторитету.

Сразу сделаем оговорку, что введение рестриктивной нормы, предусматривающей ограничение свободы слова, цензуру, запрет на публикацию отрицательных оценок полицейской работы, не только противоречило бы действующей Конституции Российской Федерации, но и было бы малоэффективным. Решением проблемы могло бы стать налаживание диалога с гражданским обществом, активная пропагандистская деятельность ведомственных и локальных СМИ, пресс-служб, общественных советов. Необходимо, чтобы граждане потребляли как минимум равные доли «негатива» и «позитива» о работе полиции, чего в настоящее время не прослеживается, хотя активная работа в этом направлении ведется на уровне региональных управлений МВД и локальных СМИ. Обращаясь к опыту Главного управления МВД России по Нижегородской области (далее — ГУ МВД), отметим, что по итогам встречи, проходившей 22 октября 2018 года на базе ВГТРК «Нижний Новгород», была достигнута договоренность между нижегородскими СМИ и

ГУ МВД России относительно публикаций положительных материалов о деятельности полиции. Мероприятие состоялось по инициативе представителей нижегородского главка, Нижегородской академии МВД России, пресс-службы Правительства Нижегородской области, общественного совета при ГУ МВД и местных СМИ. В ходе встречи участники обратили внимание на особую роль СМИ в создании положительного образа российской полиции, формировании и укреплении положительного имиджа сотрудника ОВД, на повышение уровня безопасности в регионе, а также на особенности развития доверительного отношения населения к полиции и ее деятельности [14].

Возвращаясь к сравнительному изучению и оценке суждений ранее упомянутых исследователей, отметим также проблему отсутствия у исследователей точного понимания объема содержания понятия «дискредитация ОВД».

Очевидно, что дискредитация, как правило, рассматривается как негативное обширное и массовое социально-правовое явление. Далеко не все формы и виды дискредитации подпадают под признаки уголовно наказуемых деяний, кажется весьма логичным, что она редко рассматривается в качестве признака или элемента состава преступления. Однако отдельные формы дискредитации могут подпадать под признаки отдельных действующих уголовно-правовых запретов. Кроме того, в связи с изменениями УК РФ в марте 2022 года дискредитацию стало возможным рассматривать как нормативно закрепленный признак субъективной стороны преступления, предусмотренного статьей 280³ УК РФ.

В первую очередь, укажем, что современное уголовное законодательство России не содержит в себе норм, предусматривающих уголовную ответственность непосредственно за «дискредитацию сотрудников ОВД», если понимать последнюю как признак объективной стороны преступления (как общественно опасное деяние или общественно опасное последствие).

В статье 280³ УК РФ дискредитация является признаком субъективной стороны, характеризующим цель неких публичных действий. Если рассуждать более абстрактно, ответственность за дискредитацию в обыденном ее понимании (как за действия, подрывающие или могущие подорвать имидж и авторитет кого- или чего-либо) косвенно предусмотрена несколькими нормами действующего уголовного закона России. Например, это статья 319 УК РФ, статья 298¹ УК РФ. Кроме того, дискредитация может быть

рассмотрена в качестве фактических последствий ряда преступлений, непосредственно не указанных в таковой формулировке в уголовно-правовых нормах. Например, при совершении полицейским коррупционного преступления фактическим, не закрепленным в тексте УК РФ общественно опасным последствием станет дискредитация службы в полиции.

Таким образом, «дискредитация» — это довольно «объемная» категория, которую следует изучать с различных точек зрения. В качестве элемента состава преступления она может являться: 1) целью преступления; 2) общественно опасным деянием; 3) общественно опасным последствием. Как абстрактное явление из социологии и психологии ее следует характеризовать в качестве некоего негативное социально-правовое явления, признаки и проявления которого отнюдь не всегда преследуются уголовным законом.

Обобщая вышеперечисленные суждения и выводы исследователей, а также учитывая особенности новелл в отечественном уголовном законодательстве, мы приходим к выводу, что в настоящее время дискредитацию ОВД следует рассматривать как минимум со следующих точек зрения:

1. Как некое негативное социально-правовое явление, стратегию по умалению авторитета, подрыву имиджа и репутации ОВД различными способами и средствами.

2. Как активные целенаправленные сознательные действия по подрыву авторитета и репутации ОВД, снижению уровня общественного доверия к их деятельности.

3. Как форму противодействия законной правоохранительной деятельности ОВД, реализуемую посредством распространения порочащей сотрудников ОВД информации.

4. Как нормативно закрепленный квалифицирующий признак состава преступления (нормативно закрепленная цель в ст. 280³ УК РФ).

Подводя итоги, подчеркнем, что объем понятия «дискредитация» достаточно велик, что обуславливает существование множества подходов к его определению, поэтому авторские дефиниции «дискредитации» могут значительно отличаться, характеризовать различные стороны этого явления. Учитывая факт использования этого неоднозначного термина в уголовном законе России, считаем необходимым нормативно закрепить определение и сущностные признаки этой категории в целях недопущения расхождений в судебной практике и обеспечения единообразия правоприменения.

Список источников

1. Большой русско-французский словарь = Granddictionnaire russe-français / Ж. Триомф, К. Триомф-Агафонова, Ф. Кинет [и др.]. Москва: МЦНМО, 2020. 1443 с.
2. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2003. 988 с.
3. Сиворакаша М. А. Дискредитация как разновидность конфликтного общения // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 44. С. 122—127.
4. О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 1 июня 1922 года (утратило силу) // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. № 80, ст. 153.
5. О защите конкуренции: федеральный закон от 26 июля 2006 года № 135-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2022).
6. Воробьев С. М. К вопросу о понятии дискредитации деятельности уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С. 18—21.
7. Шамаев А. М. Некоторые вопросы противодействия дискредитации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, участвующих в контртеррористических операциях на территории Северо-Кавказского федерального округа // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 120—122.
8. Васильев Э. А., Дьяченко Н. Н. Субъекты дискредитации сотрудников органов внутренних дел // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4 (48). С. 56—60.
9. Дьяченко Н. Н. Формы и виды дискредитации сотрудников органов внутренних дел // Научный портал МВД России. 2013. № 3 (23). С. 55—59.
10. Егорова Т. И. Защита чести, достоинства и деловой репутации сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации // Право: ретроспектива и перспектива. 2020. № 2 (2). С. 51—55.
11. Мантуров О. С. Дискредитация органов внутренних дел и ее влияние на формирование профессионального сознания сотрудников правоохранительных органов // Полицейская деятельность. 2020. № 6. С. 24—36.
12. Чимаров С. Ю. Правовые основы цифровой бдительности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в условиях сетевой коммодификации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2020. № 3 (48). С. 107—112.
13. Глухова А. А., Иудин А. А., Шпилев Д. А. Особенности восприятия населением коррупционной преступности в Нижегородской области: криминологический анализ // Регионоведение. 2020. Т. 28. № 2 (111). С. 350—376.
14. Сотрудники академии приняли участие в работе круглого стола. URL: <https://на.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/14754387> (дата обращения: 10.05.2022).

References

1. Large Russian-French dictionary = Granddictionnaire russe-français / ed. by J. Triomf, K. Triomf-Agafonova [and others]. Moscow: ICNMO Publ., 2020. 1443 p. (In Russ.)
2. Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language / ed. by N. Y. Shvedova. Moscow, 2003. 988 p. (In Russ.)
3. Sivoraksha M. A. Discrediting as a kind of conflict communication. *Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen*, 2007, no. 44, pp. 122—127. (In Russ.)
4. On the enactment of the Criminal Code of the RSFSR: resolution of the Central Executive Committee of June 1, 1922 (expired). *Collection of Laws and Regulations of the RSFSR RCP*, June 1, 1922, no. 80, art. 153. (In Russ.)
5. On Protection of competition: federal law no. 135 of July, 2006. *Rossiyskaya Gazeta*, 2006, July, 27. (In Russ.)
6. Vorobyov S. M. On the question of the concept of discrediting the activities of the penal system. *Man: crime and punishment*, 2016, no. 3 (94), pp. 18—21. (In Russ.)
7. Shamaev A. M. Some issues of countering the discrediting of employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation participating in counter-terrorism operations on the territory of the North Caucasus Federal District. *Gaps in Russian legislation*, 2017, no. 3, pp. 120—122. (In Russ.)
8. Vasiliev E. A., Dyachenko N. N. Subjects of discrediting employees of internal affairs bodies. *Legal Science and Practice: bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 4 (48), pp. 56—60. (In Russ.)
9. Dyachenko N. N. Forms and types of discrediting of employees of internal affairs bodies. *Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2013, no. 3 (23), pp. 55—59. (In Russ.)
10. Egorova T. I. Protection of honor, dignity and business reputation of an employee of the Internal Affairs bodies of the Russian Federation. *Pravo: retrospect and perspective*, 2020, no. 2 (2), pp. 51—55. (In Russ.)
11. Manturov O. S. Discrediting of internal affairs bodies and its influence on the formation of professional consciousness of law enforcement officers. *Policing*, 2020, no. 6, pp. 24—36. (In Russ.)
12. Chimarov S. Yu. Legal bases of digital vigilance of employees of internal affairs bodies of the Russian Federation in the conditions of network commodification. *Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*, 2020, no. 3 (48), pp. 107—112. (In Russ.)
13. Glukhova A. A., Judin A. A., Shpilev D. A. Features of public perception of corruption crime in the Nizhny Novgorod region: criminological and sociological analysis. *Regionology*, 2020, vol. 28, no. 2 (111), pp. 350—376. (In Russ.)
14. The staff of the Academy took part in the round table. URL: <https://на.мвд.рф/Press-sluzhba/Novosti/item/14754387> (accessed 10.05.2022). (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10. 05.2022; одобрена после рецензирования 01.06.2022; принята к публикации 09.06.2022.

The article was submitted 10.05.2022; approved after reviewing 01.06.2022; accepted for publication 09.06.2022.